

*Имамь, имѣю, имаю,
иму: конструкции с
глаголами с корнем
им-//ем- в восточно-
славянской деловой
письменности XV в.**

Яна Андреевна Пенькова

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия;
Казанский (Приволжский)
федеральный университет,
Казань, Россия

*Imam', iměju, imaju, imu:
Constructions with
Verbs with the Root
im-//em- in the 15th
Century East Slavic
Official Documents*

Yana A. Penkova

Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;
Kazan Federal University,
Kazan, Russia

Резюме

Работа посвящена исследованию дистрибуции и конкуренции инфинитивных конструкций со вспомогательными глаголами *имѣти*, *имати* и *яти*, имеющих референцию к будущему, в восточнославянской деловой письменности XV в. Глаголы *имѣти* и *имати* в сочетании с инфинитивом могли

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект 20-18-00206 «Дистрибутивно-квантитативный анализ семантических изменений на основе больших диахронических корпусов».

Автор выражает сердечную благодарность Сергею Владимировичу Полехову (ШАГИ ИОН РАНХиГС) за консультации по вопросам деловой письменности Великого княжества Литовского, Дмитрию Владимировичу Сичинаве (Потсдамский университет) за ценные замечания на этапе подготовки статьи, а также двум анонимным рецензентам журнала «Словѣне».

Цитирование: Пенькова Я. А. *Имамь, имѣю, имаю, иму: конструкции с глаголами с корнем им-//ем- в восточнославянской деловой письменности XV в.* // *Slověne*. 2025. Т. 14, № 1. С. 198–228.

Citation: Penkova Ya. A. (2025) *Imam', iměju, imaju, imu: Constructions with Verbs with the Root im-//em- in the 15th Century East Slavic Official Documents*. *Slověne*, Vol. 14, № 1, p. 198–228.

DOI: 10.31168/2305-6754.2025.1.07

иметь по две парадигмы: *имамь* и *имѣю*, *имаю* и *маю* соответственно. Глагол *яти* также имел формы, паронимически сходные с названными (*иму*, *имеши* и т. д.). Это могло рождать взаимодействие между конструкциями. Материалом исследования послужили старовеликорусские, старобелорусские и староукраинские деловые тексты XV в. Исследование показало, что в старовеликорусской письменности XV в. объединения парадигм *имѣти* и *яти* не происходило. Здесь выделялись два четких полюса: конструкция *имѣти* + инфинитив со значением будущего времени с усиленной ассерцией в книжной письменности и перифраза *яти* + инфинитив с фазовым или общефактическим значением в не книжной письменности. В старобелорусской деловой письменности XV в. вспомогательный глагол *имати/имѣти* имел вариантный набор форм *имаю/имѣю/маю*, формы типа *иму*, *имеши* соотносились с инфинитивом глагола *яти*. Взаимодействия между *имѣти* и *яти* не происходило, поскольку формы типа *маю* резко преобладали над вариантами *имаю* и *имѣю*, и тем самым формальных оснований для смешения было недостаточно. В староукраинской деловой письменности характер употребления рассматриваемых конструкций различался в зависимости от региона. В молдавских грамотах сближение *иму* и *имаю* было наиболее отчетливо. В диалектах данной территории начала стираться граница между модальной конструкцией с *имати/имѣти* и начинательной с *яти*, что способствовало расширению семантики конструкции *иму* + инфинитив за пределы фазовости и ее проникновению в контексты чистого будущего времени.

Ключевые слова

аналитические формы с референцией к будущему, будущее время, история восточнославянской деловой письменности, модальность, старобелорусский, старовеликорусский, староукраинский, фазовость

Abstract

The paper discusses the distribution and competition of infinitive constructions with the auxiliary verbs *iměti*, *imati* and *jati*, which have a reference to the future, in the 15th century East Slavic official writing. The verbs *iměti* and *imati* in combination with the infinitive could have two paradigms: *imam* and *iměju*, *imaju* and *maju*, respectively. The verb *jati* also had forms paronymically similar to the latter (*imu*, *imeši*, etc.). This could give rise to interaction between constructions with these auxiliaries. The data for the research was collected from the Middle Russian, Middle Belarusian and Middle Ukrainian official documents since the 15th century. It is argued that in the 15th century Middle Russian writing, there was no unification of the paradigms of *iměti* and *jati*. Two clear poles could be distinguished: construction *iměti* + infinitive with the meaning of the future with strong assertion in Church Slavonic writing, and periphrasis *jati* + infinitive with a phase or general factual meaning in vernacular writing. In the 15th century Old Belarusian official documents, the auxiliary verb *imati/iměti* had a set of paradigms *imaju/iměju/maju*, the paradigm *imu*, *imeši* belonging to the verb *jati*. There was no interaction between *iměti* and *jati*, since the *maju*-paradigm strongly prevailed, so that there were no sufficient grounds for confusion. In Old Ukrainian official documents, the use of the constructions in question varied depending on the region. In the

Moldavian documents, the rapprochement between *iměti* and *jati* was most clearly evident. In the dialects of this territory, the boundary between modal constructions with *imati/iměti* and the phase one with *jati* began to blur, which contributed to the expansion of the construction *imu* + infinitive into the modal domain and its penetration into the contexts of the pure future tense.

Keywords

analytical forms with future time reference, future tense, history of East Slavic official writing, inchoativity, modality, Middle Russian, Middle Belarusian, Middle Ukrainian

Предварительные замечания и история изучения

Настоящая работа посвящена исследованию дистрибуции и конкуренции бесприставочных глаголов с корнем *им-//ем-* в конструкциях с инфинитивом в восточнославянской письменности XV в. В истории восточнославянских языков известно несколько таких глаголов, которые могли образовывать конструкции с инфинитивом: *имѣти*, *имати* и *яти* (*иняти*, *няти*²).

У глаголов *имѣти* и *имати* существовало по два набора презентных форм. Глагол *имѣти* исконно изменялся по атематическому типу и имел формы *имамь*, *имаши* и т. д. (1). Однако уже в раннедревнерусский период в письменности фиксируются тематические формы типа *имѣю*, *имѣеши* (2). Глагол *яти* был глаголом первого класса и изменялся по типу *иму*, *имеши*. Глагол *имати* имел исконные формы *емлю*, *емлеши* (3). Однако достаточно рано у него развиваются новые аналогические формы *имаю*, *имаети* (4–6). С семантической точки зрения, изначально *имати* представлял собой итератив глагола *яти*, в таком значении в письменности могли употребляться обе парадигмы этого глагола (3, 6). При этом новая могла достаточно рано утрачивать итеративную семантику (4, 5), что позволило ей вступить в конкуренцию с формами *имамь*, *имѣю* и *иму*, ср.:

- (1) аще хоцещи испытати гораздо то **имаши** оу собе мужи [Повесть временных лет (1110-е гг.) по Лаврентьевскому списку]³;
- (2) цѣтъ до мнь зѣла **имееши** [БГ №752 (1100–1120 гг.)];
- (3) ѿздаху по онои сторонѣ днѣпра. люди **емлюще**. а другыа сѣкуще [Киевская летопись (1119–1199 гг.)];

² В старобелорусском и староукраинском языках глагол *яти* может иметь формы с начальными *и* и *н* [ССУМ, I: 446].

³ Здесь и далее примеры из Национального корпуса русского языка даются в той орфографии и с той датировкой, которые представлены в корпусе. Тексты, цитируемые по НКРЯ и историческим словарям, в список источников не вносятся.

- (4) того здѣ не положите, но въ градѣ, иже естъ въ ракодидѣ създалѣ. идеже бо аще боудеть тѣло се, оустанка не **имаєть** гра(д) [Александрия (XI–XIII вв.)];
- (5) р(ѣ)е же ѡнѣ ко мнѣ. дѣховнаго ѡца твоего еже къ боу мѣтва. на се мѣсто приведе та. показати ти ѡже преже желаніе **имаєши**. [Житие Василия Нового (конец XI в.)];
- (6) и видивше половци побѣгоша. а наши по ни(хъ) погнаша. ѡвы сѣкуща. ѡвы **имающе** [Киевская летопись (1119–1199 гг.)].

В восточнославянской письменности все три глагола в разные периоды могли образовывать конструкции с инфинитивом. Глагол *имѣти* мог сочетаться с инфинитивом как в парадигме *имамъ*, *имаши*, так и в формах по типу *имѣю*, *имѣеши*:

- (7) ты же оунѣ сѣи ѡкоже мню и не **имаши** **трьпѣти** на мѣстѣ семь скърби [Нестор Печерский. Житие Феодосия (1080-е гг.)];
- (8) дали ксмы прив[и]лиѣ. аже ис каждого кмета **имѣють дати**. по дву грошу. широкою. оу годѣ [Жалованная грамота князя Владислава Опольского Даниле Дажбоговичу на села в Жидачовской волости {Львов} (1375 г.)]⁴.

Конструкции с формами *имамъ* известны уже с эпохи древнейших памятников и являются очень архаичными, конструкции с формами типа *имѣю* в древнерусской письменности ограничены только юго-западными памятниками второй половины XIV в. и — маргинально — новгородско-псковскими (о последних см. [Пенькова 2025]).

Конструкция *имамъ* + инфинитив достаточно хорошо исследована и подробно описана. Назовем лишь некоторые наиболее важные имена исследователей, обращавшихся к данной проблематике: на старославянском материале эту аналитическую форму изучали, к примеру, Х. Бирнбаум [Birnbäum 1958], А. А. Козлов [Козлов 2014], на древнерусском материале — Э. К. Мустафина [Мустафина 1984], М. Н. Шевелева [Шевелева 2019], И. С. Юрьева [Юрьева 2011], на среднерусском материале — Х. Кржижкова [Křížková 1960], Я. А. Пенькова [Пенькова 2021, 2024], на материале нескольких славянских языков — Б. Хансен [Hansen 2001], Х. Андерсен [Andersen 2006] и др.

В работе М. Н. Шевелевой показано, что глагол *имѣти* для обозначения внешнего посессора не употреблялся в живом древнерусском языке, а функционировал преимущественно в контекстах с абстрактными именами существительными, обозначая различного рода состояния [Шевелева 2019]. Этим же объясняется и тот факт, что конструкция *имѣти* + инфинитив была заимствованием из церковнославянского языка и рано перешла в сферу пассивного знания [Шевелева 2017: 203].

⁴ Грамота опубликована С. В. Полеховым и В. Б. Крысько [Полехов, Крысько 2021].

Ее основным значением в старославянской и древнерусской письменности было значение будущего времени с усиленной ассерцией (значение неотвратимости, неизбежности в будущем) [Козлов 2014; Юрьева 2011; Шевелева 2017], однако в древнерусской письменности фиксируются также употребления этой конструкции для передачи значений деонтической необходимости, деонтической и онтологической возможности [Юрьева 2009; Пенькова 2023]⁵.

Конструкции с глаголом *яти* (*иму* + инфинитив) фиксируются в восточнославянских памятниках с XIII в. [Юрьева 2011], однако на основании данных Княжеских уставов М. Н. Шевелева предполагает, что их существование не исключено уже в языке XII в. [Шевелева 2019: 44].

Эти конструкции на древнерусском материале подробно изучены в работах М. Н. Шевелевой, И. С. Юревой и других исследователей. В исследовании М. Н. Шевелевой показано, что глагол *яти* грамматикализовался как вспомогательный⁶ в результате развития значения начинательности из значения 'взять, схватить' [Шевелева 2019: 46]. Сопоставлению конструкций с *jimati* и *jimi* в древнерусском и древнесербском языках посвящена работа В. П. Гудкова [Гудков 1963], в которой показано, что и в древнерусской, и в древнесербской письменности конструкции с первым вспомогательным глаголом имели модальное значение, тогда как со вторым — значение будущего времени преимущественно в зависимой предикации.

В русской письменности, согласно И. С. Юревой [Юрьева 2011], в конструкциях с инфинитивом между парадигмами *имамь* и *иму* могла происходить аттракция. По-видимому, определенную роль в развитии этой аттракции играл тот факт, что форма 3 л. мн. ч. *имуть* у *имѣти* омонимична аналогичной форме глагола *яти*. В среднерусский период конструкции с *имамь* могли восприниматься как книжные соответствия распространенных в живом языке конструкций с *иму*, так что в поздних летописях формы типа *имамь* иногда проникают в контексты, характерные для форм типа *иму* [Юрьева 2011].

⁵ О формальных и семантических изменениях в употреблении конструкции *имѣти* + инфинитив в позднесреднерусской письменности см. [Пенькова 2021; Пенькова 2024].

⁶ В работе мы будем называть вспомогательным любой глагол в финитной форме в составе аналитической формы независимо от того, завершилась ли грамматикализация этой конструкции, поскольку основным критерием, разграничивающим полнозначный и вспомогательный глагол, служит то, что при превращении полнозначного глагола во вспомогательный две глагольные группы объединяются в одну, ср.: «When a lexical verb becomes an auxiliary within a construction in which another lexical verb served as the complement to the finite verb, the complement verb becomes the main verb of the clause. The change is from a structure with two verb phrases to a single verb phrase containing an auxiliary and a lexical verb» [Bybee 2011: 75].

Однако с еще более раннего периода известно и обратное направление смещения. Уже в древнерусских книжных памятниках XIII в. формы типа *иму* могут проникать в контексты, характерные для *имаю* [Пенькова 2023; 2025]:

- (9) аще нѣ оудержишися послѣди **скербѣти имеши** [вм.: *имаши*] мнозѣми вбразы [Ефр.Сир. IV: 42] [Ср. в среднеболгарском списке XIV в.: *скръбѣти имаши*].

Формы глагола *имати* по исконному типу (*емлю, емлещи*) в конструкциях с инфинитивом не были представлены. Более того, согласно Словарю староукраинского языка XIV–XV вв. [ССУМ, 1: 433–436.], они вообще не употребляются в украинской письменности этого периода, будучи вытесненными новыми формами типа *имаю, имаеши*⁷. В старобелорусской [ГСБМ, 14: 94] и старовеликорусской письменности исконные формы сосуществуют с новыми, причем в старовеликорусских источниках более частотны именно презентные формы типа *емлю, емлещи*: в картотеке ДРС примеров с формами *емлю, емлещи* в семь с половиной раз больше, чем примеров с формами *имаю, имаеши*.

Конструкции с аналогическими формами глагола *имати* (*имаю + инфинитив*) редки в древнерусской письменности, примеры встретились в Повести временных лет по Ипатьевскому списку (10–12), Киево-Печерском патерике (13), в литовской грамоте конца XIV — начала XV в. (14) — памятниках западно- и южнорусских, а также в Софийском сборнике второй половины XV в. (РНБ, Соф. № 1285) новгородского происхождения (15):

- (10) исполнишася зависти и книжници. искаху оубити и. и емъше и ведоша и къ игѣмону пилату. пилатъ же испытавъ ѿко безъ вины предаша. и хотѣ пустити и. они же рѣша ему. аще того пустиши. **не имаеши быти** другъ кесареви [Повесть временных лет (1110-е гг.) по Ипатьевскому списку] [ср. (Ин 19:12) Остр. ев. (1056–1057 гг.), л. 184: аще сего поустиши, **нѣси** другъ кесареви; ср. в Лаврентьевском списке: **имаши быти**];
- (11) аще хочещи болезни сеѧ избыти. то въскорѣ кр(с)тисѧ. аще ли ни то **не имаеши избыти** сего. [Повесть временных лет (1110-е гг.) по Ипатьевскому списку];
- (12) погуби ѡтроча се. аще ли не погубиши **имаеть погубити** всѧ егупе(т). [Повесть временных лет (1110-е гг.) по Ипатьевскому списку] [ср. в Лаврентьевском списке: **имать погубити**];

⁷ Полнозначный глагол *имати* как глагол контакта в староукраинской письменности рано замещается глаголом *брати*, так что сохраняется только *имати* как дублет *имѣти* (см. об этом [Пенькова 2024б]).

- (13) нарекъ имъ дñъ преставленья. свокго. ꙗко в соу(б)тоу по взитии сñнца. дñа моа **ѡлоучитеа имають** в телесе сего. и паки же призвавъ стефана. єдино҃го оучаш(е). ꙗже в паствѣ сѣго того стада. [Симон Владимирский, Поликарп Печерский. Киево-Печерский патерик (первая треть XIII в.)];
- (14) а што о(т) викгаиловы· землѣ половина голого болота, то есмо повернули викѣгаилови, бискупъ **имаеть ловити** на своеи половинѣ, а викгаилови са оу таѣ ловишча не оуступати [Судная грамота великого князя литовского Витовта по делу между Вигаилом и епископом виленским об охотничьих угодьях на Голом болоте {Троки} (1398, 1409 или (менее вероятно) 1420 г.)];
- (15) а ввещь не пасоущє · в нихъже слово **имаєте ѡдати** вѣ дñъ соудныи [Слово псевдо-Иоанна Златоуста о лживых учителях (XIII–XIV вв.)] [ср. то же чтение в Сборнике конца XIV в. (РНБ, Соф. № 1262, л. 110в), согласно СДРЯ, IV: 145].

Инфинитивные конструкции с формами *имаю*, *имаеши* на древнерусском материале в названных выше исследованиях не описываются. И. С. Юрьева [2011: 80], однако, упоминает о них, ссылаясь на «Материалы» И. И. Срезневского, и указывает, что такие конструкции известны только западнорусским источникам. Исследовательница предполагает, что «формы глагола *имати* ‘брать’ (не по исконной модели *имати–ѣмлю*, а по новой модели *имати–имаю*), вероятно, в древнерусском языке стали соотноситься и с инфинитивом *имѣти* (наряду с *имати*) — точно так же, как и формы *имоу*, *имеишь*. Об этом могут говорить данные И. И. Срезневского, который толкует инфинитивные сочетания с глаголом *имаю* как формы будущего времени, например: «Тогда тыи имають предъ ними голдовати... Пор. гр. Молд. б. 1395 г.»⁸ [Срезневский, I: 1092]». Наш материал показывает, что единичные примеры с такими конструкциями известны не только западнорусской, но и древнерусской (см. примеры выше) и среднерусской письменности (см. об этом ниже).

Анализируя материалы русских народных говоров, И. С. Юрьева показывает, что в диалектах с одним и тем же значением употребляются формы, восходящие ко всем трем глаголам (*имѣти*, *имати* и *яти*), и делает на этом основании вывод о том, что «в некоторый период у глагола *имѣти* “существовали”, то есть соотносились с инфинитивной основой *имѣти*, три парадигмы: парадигма *имамь*, *имаши*, парадигма *имаю*, *имеиши* и парадигма *имоу*, *имеиши*» [Юрьева 2011: 80]. При этом до конца остается неясным, о каком периоде в истории русского языка

⁸ Полный текст грамоты, цитируемой И. И. Срезневским, представлен в НКРЯ (Ручательство молдавских бояр за воеводу Стефана перед королем Владиславом II Ягелло; <https://ruscorpora.ru/s/elmP5>). По-видимому, конструкция *имаю* + инфинитив в данной грамоте употребляется не в значении чистого будущего времени, а с оттенком долженствования («должны присягнуть»).

идет речь. Исследовательница не уточняет, когда именно происходит такое совмещение парадигм и в каких именно диалектах. Кроме того, открытым остается вопрос о том, происходит ли такое совмещение во всех употреблениях (и в качестве полнозначного глагола, и в роли вспомогательного) или только в каком-то одном.

В исторических грамматиках староукраинского и старобелорусского языков [Бевзенко 1960; Жовтобрюх et al. 1980; Булыка et al. 1988; Янкоўскі 1983: 200–201] конструкции с вспомогательными глаголами *имамь, имаю, имѣю, иму* не разграничиваются и рассматриваются как единое целое. Вероятно, за таким подходом в описании как раз и стоит представление о единой конструкции в рутенской письменности и о сосуществовании одновременно трех презентных парадигм, соотносимых с инфинитивом *имѣти*.

Язык полоцких грамот и грамот Великого княжества Литовского описывает в своих монографиях Х. Станг. Исследователь указывает, что в языке полоцких грамот будущее время несовершенного вида образуется с помощью конструкции *буду* + инфинитив [Stang 1939: 83], а в языке грамот Великого княжества Литовского времени правления Казимира IV — с помощью конструкций с *буду, иму* и *имаю* [Stang 1935: 49]. Различия между тремя конструкциями Х. Станг не обсуждает.

Формам будущего времени в русской и украинской деловой письменности XV в. посвящена также диссертация И. Г. Соколовой [Соколова 1972]. Исследовательница приходит к выводам о том, что в русской письменности для конструкции *иму* + инфинитив было характерно начинательное значение, которое в деловых памятниках XV в. «заметно ослабляется» [Ibid.], поскольку «в юридических документах все внимание сосредоточено не на особенностях процесса протекания действия, в частности, не на выделении отдельных фаз данного процесса, а на установлении самого факта существования действия» [Ibid.]. В украинской письменности по мнению исследовательницы, «степень формализации» конструкции *иму* + инфинитив еще ниже, чем в русской, поскольку конструкция употребляется с инфинитивами обоих видов и «обладает теми же семантическими оттенками ирреальной модальности, какие свойственны сочетанию инфинитива и формы “/и/маю”» [Ibid.]. Фактически в работе утверждается функциональная эквивалентность конструкций с *иму* и *имаю* в украинской деловой письменности. С выводами И. Г. Соколовой по поводу меньшей степени формализации форм с *иму* в староукраинской письменности едва ли можно согласиться ввиду того, что именно в украинском языке эти формы грамматикализировались в будущее время (ср. *писатиму* ‘буду писать’).

Различным перифрастическим формам со значением будущего времени в староукраинском языке XIV–XV вв. также посвящена статья М. Юрковского [Юрковский 1991]. В данной работе приводится информация о частотности конструкций, однако при подсчетах парадигмы глаголов *имати*, *имѣти* и *яти* не разграничиваются, кроме того, вовсе не рассматривается семантика перифраз.

Аналитическим формам с референцией к будущему в простой мове⁹ посвящена также статья Е. А. Смирновой [Смирнова 2021]. В указанной работе описывается семантика конструкций *(у)маю* + инфинитив в простомовных Евангелиях XVI в. Конструкции с формами *имѣю* и *иму* в исследовании не обсуждаются, из чего можно заключить, что эти вспомогательные глаголы в таких источниках не представлены. В работе показано, что конструкции *(у)маю* + инфинитив употреблялись преимущественно в значении будущего времени с усиленной асерцией, т. е. так же, как конструкции *имамь* + инфинитив в древне- и старовеликорусской книжной письменности, ср.:

(16) выданъ маеть быти Сынъ чоловечии в руці людемъ. (Мф 17:22) Евангелие Тяпинского [Ibid.];

(17) Преданъ имать быти Снъ члѣчскыи въ роуцѣ члѣкмъ (Мф 17:22) Геннадиевская Библия 1499 г. (ГИМ, Син. № 915, л. 669об.).

Обратимся к материалам исторических словарей и диалектным данным. В Словаре русского языка XI–XVII вв. [СлРЯ XI–XVII, 6: 225] конструкция *имамь* + инфинитив не описывается, а словарная статья *имати* не содержит новых форм типа *имаю*, *имаеши*, хотя об их существовании говорит грамматическая информация в заголовке. Редкие примеры употребления конструкции *имаю* + инфинитив, обнаруживаемые в древне- и старовеликорусской письменности, в словаре не отмечены.

В «Материалах...» И. И. Срезневского в словарной статье *имѣти* приводятся конструкции со вспомогательным глаголом *имамь* и *имѣю*. Примеры с последним обнаруживаются в западнорусской Жалованной грамоте Подольского князя Александра Кориатовича Смотрицкому монастырю 1375 г. Глаголы *имати* и *яти*, подобно глаголу *имѣти*, в одном из своих употреблений (в формах типа *имаю*) описываются И. И. Срезневским как вспомогательные глаголы для образования будущего времени [Срезневский, I: 1092; III: 1670–1671].

⁹ Под простой мовой мы, вслед за М. Мозером, понимаем литературный язык Великого княжества Литовского XVI–XVII вв. («надрегиональную разновидность белорусского и украинского языков среднего периода, возникшую на основе общего “русского” (= украинско-белорусского) делового языка» [Мозер 2002: 221]). Ср. также концепцию Н. И. Толстого, который считал простую (русскую) мову «литературным койнэ», языком, «никогда не являющимся фиксацией того или иного белорусского или украинского диалекта» [Толстой 1988: 61–62].

В СДРЯ разные парадигмы глаголов *имати* и *имѣти* разведены по разным словарным статьям: *имати*¹ (*емлю*) и *имати*² (*имаю*), *имѣти*¹ (*имамь*) и *имѣти*² (*имѣю*) [СДРЯ, 4: 144–145, 150–152]. *Имати*¹ употребляется, согласно приводимым в словарной статье данным о частотности в картотеке СДРЯ, в десять раз чаще, чем *имати*². У последнего выделяется употребление в составе сложного будущего времени, ограниченное текстами западно- и юго-западнорусской диалектных зон второй половины XIV в.¹⁰:

Вспомогательный гл. для образования будущего вр.: зать и приатѣль нашъ. пожило на(м) ·д̣· тисачѣ рублиі фряжского серебра іхо же ждати имаеть. намо w(т) тыхо ма(с)пусто. за ·г̣· лѣта. *Гр 1388 (1, ю.-р.)*; кто жъ коли зломи(т) нашу грамотоу су(д) пре(д) б(г)мѣ имаю с нимъ¹¹. *Гр 1390 (2, ю.-р.)*; а они имають держати. так(о) долго докола... имо тыхо ·д̣· тисачи рублиі исполна не w(т)дамы. *Там же*; бискупъ имаеть ловити. на своей половинѣ. а викгаилови са оу таѣ ловишча. *Гр 1398 (3, з.-р.)*; не имаеть. w(т) нихъ то втоити. *Гр 1399 (1, ю.-р.)*; А wѣѣць моихъ не пасуще w нихъ слово имакте w(т)дати въ днь суда *СбСоф к. XIV, 110в.*; а панъ клюсь имаеть того існого села шидлова. оуживати. *Гр 1400 (1, ю.-р.)* [Ibid.: 145].

По данным СДРЯ, *имѣти*¹ примерно в пять раз частотнее, чем *имѣти*² (более пяти тысяч примеров у первого и более тысячи примеров у второго). У обоих глаголов выделена способность выступать в качестве вспомогательного для образования будущего времени, при этом *имѣти*² в таком употреблении также встречается преимущественно в юго-западных грамотах XIV в. Один пример, однако, представлен в новгородском списке Закона судного людем XIV в. [Ibid.: 152]¹².

В русских говорах конструкции с рассматриваемыми глаголами представлены довольно широко: это северные костромские и вологодские, среднерусские владимирские, нижегородские, ярославские, тверские и калужские говоры, в которых сохраняются формы, восходящие к глаголу *яти* [СРНГ, 12: 190]. Формы, восходящие к глаголу *имѣти* (*имею, имеешь*), в таком употреблении в русских диалектах практически не встречаются. Пример из амурских говоров (*ты с кем имеешь ловить*

¹⁰ Помимо южно- и западнорусских грамот, в словарной статье цитируется также Сборник РНБ, Соф. № 1262, происхождение которого связано с псковскими землями [Гранстрем 1953: 60].

¹¹ В данном примере конструкция с инфинитивом не представлена, *имати* употребляется как полноточный глагол в сочетании *имати судѣ*.

¹² В данном примере текст искажен, ср. Археографический список XV в., л. 296 (ЛОИИ, собр. Археографической комиссии, № 240): **не смѣмъ** сего узаконити. Такое же чтение в Карамзинском списке Софийской первой летописи (л. 175об.); **не смѣмъ** иног закона взаконити. Ср. также замечание М. Н. Тихомирова о писце Пушкинского сборника, цитируемого в словаре: «Писец Пушкинского сборника переписывал уже с дефектного экземпляра, в котором к тому же многое не понимал» [Тихомиров 1961: 8].

[СРНГ, 12: 193]) скорее представляет собой конструкцию со значением намерения, известную, хотя и явно устаревающую в современном русском литературном языке. Примеров с глаголом *мати, маю, маешь* 'иметь', которые свидетельствовали бы о существовании конструкции с модальным или другим значением, выражающим референцию к будущему, в СРНГ не приводится. Однако в данном словаре есть также статья *меть, мею, меешь, маю, маешь* 'иметь', при этом примеры в составе конструкции с инфинитивом отсутствуют [СРНГ, 18: 143].

В старобелорусской письменности, согласно данным [ГСБМ, 14: 94–95], *имати* в сочетании с инфинитивом употребляется в составе сложного будущего времени с различными модальными оттенками деонтической модальности и усиленной ассерции («абавязаны, павінен, вымушаны што-н. рабіць»). О глаголе *имѣти* сказано, что он также употребляется в качестве вспомогательного глагола в составе сложного будущего, модальные оттенки конструкции не называются, хотя примеры, приводимые в словарной статье, свидетельствуют об обратном, ср.:

(18) Тыи книги **имѣють быти** за трети ключи замкнуты (АЗР I, 40, 1420–1423 гг.) [Ibid.].

Кроме того, к сложному будущему в этой словарной статье также отнесены конструкции, в которых *имѣти* употребляется в форме прошедшего времени, а также конструкции с исконными формами глагола *яти (иняти)*. При этом у глагола *яти (иняти)* в соответствующей словарной статье таких употреблений не выделяется.

Важный материал для анализа функционирования инфинитивных конструкций с глаголами *имѣти, имати* и *яти (иняти)* содержит Словарь староукраинского языка XIV–XV вв. (ССУМ). Конструкции с глаголом *имѣти*, согласно данным ССУМ, употребляются в староукраинской письменности в значении долженствования, деонтической возможности, намерения и контрфактического условия [ССУМ, 1: 438–440]. Важной особенностью в первых двух типах употребления является то, что вспомогательный глагол может выступать как в форме настоящего, так и прошедшего времени. Для третьего типа употребления приводятся только формы со вспомогательным глаголом в прошедшем времени, для четвертого — в форме сослагательного наклонения [Ibid.].

Инфинитивные конструкции с глаголом *имати* в староукраинской письменности, согласно данным словаря, употребляются в значении долженствования, деонтической возможности и для образования форм сложного будущего времени (для всех трех типов употребления приводятся только примеры со вспомогательным глаголом в настоящем времени) [Ibid.: 433–435].

У глагола *яти* (*иняти*) выделяется употребление в качестве вспомогательного глагола для образования форм сложного будущего времени, а также примеры употребления в прошедшем времени в роли вспомогательного глагола с начинательным значением, присоединяющего инфинитив (такие же конструкции фиксируются и словарем старобелорусского языка¹³):

- (19) Любо стратить а любо добоудеть васко то жь емоу **яль** кондрать **отповѣдати** его рѣчь (Галич, 1401 г., Р 65) [ССУМ, 1: 447];
- (20) А коли вышел тот рок тогды **няли** его **нагабать** о границах (XV в. СЯ 42) [Ibid.].

В современных украинских говорах широко представлены аналитические конструкции и синтетические формы будущего времени, восходящие к конструкциям *иму* + инфинитив: в большинстве юго-западных говоров сосуществуют обе формы, в покутских, гуцульских и буковинских говорах — только аналитические формы (например, *мемо ходити*), в юго-восточных — синтетические (например, *братиму*, *бити-му*) [Бевзенко 1960: 326–327]. Синтетические формы будущего времени, восходящие к конструкциям *иму* + инфинитив (например, *robiць-му*), известны также южнобелорусским говорам [Ibid.].

Материал и методы исследования

Материалом исследования конкуренции и дистрибуции конструкций с формами *имамь*, *имѣю*, *(и)маю* и *иму* послужила восточнославянская деловая письменность XV в. Выбор данного периода не случаен. С одной стороны, именно к этому времени восточнославянские диалекты накапливают уже достаточно большое количество различий. С другой стороны, в XV в. как в рутенской, так и в старовеликорусской письменности достаточно широко употребляются конструкции с вспомогательным глаголом *иму*, тогда как уже с XVI в. частотность *иму* с инфинитивом в русской письменности резко падает [Пенькова 2019; Пенькова 2023], что делает сопоставление этих конструкций в разных восточнославянских традициях малопродуктивным.

Наш интерес к указанным конструкциям также связан с тем, что формы типа *(и)маю* с инфинитивом очень широко употреблялись в рутенской письменности, а в современном украинском языке существуют формы будущего времени, восходящие к конструкциям с *иму*. Напротив, в старовеликорусской письменности конструкции с формами *иму* не получают такого развития, более того, они практически полностью

¹³ Контекст (19) цитируется и в ССУМ, и в ГСБМ.

выходят из употребления к XVII в., сохраняясь только в некоторых говорах. В настоящей работе мы покажем, какие различия существовали в характере употреблений конструкций с *имамь*, *имѣю*, *имаю* и *иму* между восточнославянскими идиомами в XV в., а также попытаемся приблизиться к ответу на вопрос, чем объясняются расхождения между восточнославянскими языками, унаследовавшими эти конструкции из древнерусского языка и церковнославянской письменности.

Материал исследования был собран из нескольких источников. Мы использовали данные старорусского подкорпуса Национального корпуса русского языка, который содержит значительный объем старовеликорусских источников XV в. В качестве дополнительного источника использовалась картотека Словаря русского языка XI–XVII вв. (картотека ДРС). Материал из старобелорусской деловой письменности был собран по изданию полоцких грамот [Хорошкевич et al. 2015], в котором опубликовано 320 грамот интересующего нас временного периода (XV в.). Материал из староукраинской письменности отбирался по изданиям [Русанівськи 1965] и [Розов 1928], содержащим тексты 126 грамот XV в.¹⁴ В качестве дополнительного источника использовались данные Словаря староукраинского языка XIV–XV вв. [ССУМ] и Словаря старобелорусского языка [ГСБМ]. Поскольку в качестве материала по староукраинской и старобелорусской письменности привлекаются только данные деловой письменности, мы ограничили выборку из старовеликорусских текстов аналогичными материалами XV в. Данные книжных памятников привлекаются в ограниченном объеме и в количественных подсчетах не учитываются.

Как было видно в приведенном выше обзоре, в словарях старобелорусского и староукраинского языков часть источников является общей. Та же проблема существует и в связи с изданием староукраинских грамот, в котором в ряде случаев помещаются грамоты, связанные со старобелорусскими землями. Некоторое количество грамот было и вообще составлено на территории Польского королевства (Краков, Ланцица, Галиция). Еще одной особенностью рутенских деловых документов является то, что часть этих текстов происходит из великокняжеской или королевской канцелярии, в этом случае место создания документа не позволяет делать выводы об отражении соответствующих диалектных особенностей. По этой причине мы рассматриваем великокняжеские и королевские грамоты отдельно. Поскольку административным

¹⁴ В [Молдован 2000] опубликованы пять новонайденных галицких грамот XIV–XV вв., среди которых только одна относится к XV в. В тексте этой грамоты исследуемые нами конструкции не встречаются. Несколько украинских грамот также опубликовано в [Купчинський 1997], однако среди текстов XV в. не встретились интересующие нас формы.

центром Великого княжества Литовского в XV в. была Вильна, великокняжеские грамоты мы будем рассматривать как связанные, прежде всего, со старобелорусскими землями.

Таким образом, мы собрали рабочий корпус из 452 контекстов, из которых 163 примера — в старобелорусских грамотах, 112 — в староукраинских и 177 — в старовеликорусских. Этот корпус ограничен только контекстами, в которых вспомогательный глагол употребляется в форме настоящего времени. Конструкции со вспомогательными глаголами *имати*, *имѣти* и *яти* в прошедшем времени, плюсквамперфекте и сослагательном наклонении, известные рутенской деловой письменности и отсутствующие в старовеликорусской письменности XV в., должны стать предметом отдельного исследования, поскольку, во-первых, с формальной точки зрения, в прошедшем времени практически отсутствует конкуренция форм вспомогательного глагола (в модальных контекстах употребляется практически исключительно форма *(и)мѣл-*, форма *ял-* встречается очень редко и только в начинательном значении), во-вторых, при транспозиции конструкции в прошедшее время, плюсквамперфект и сослагательное наклонение существенно меняется семантика конструкции.

Отобранные для исследования контексты были размечены нами по нескольким параметрам: тип презентной парадигмы вспомогательного глагола (*имамь/имѣю/имаю/маю/иму*), вид основного глагола, употребляемого в форме инфинитива (совершенный и несовершенный), дата источника, название источника, место составления документа, семантика конструкции в контексте.

Перейдем к анализу материала грамот. В нашей выборке конструкции с различными формами вспомогательных глаголов распределены следующим образом (см. таблицу 1).

Таблица 1. Распределение вспомогательных глаголов в восточнославянской некнижной письменности XV в.

	Имамь	Имѣю	Имаю	Маю	Иму
Старовеликорусские	0	0	0	0	177
Старобелорусские	1	17	34	103	8
Староукраинские	1	0	41	16	54

Как видно из таблицы, в XV в. в старовеликорусской, староукраинской и старобелорусской деловой письменности рассматриваемые конструкции имели разную частотность. Конструкции с парадигмой *имѣю* фиксируются только в старобелорусских грамотах, причем исключи-

тельно в великокняжеских, конструкции с *иму* частотны в старовеликорусской и староукраинской письменности, тогда как в старобелорусской они встречаются редко и не представлены в грамотах великих князей литовских. Конструкции с глаголом *имаю/маю* широко употребительны и в староукраинской, и в старобелорусской письменности, однако вариант с начальным *и-* чаще встречается в украинских грамотах, тогда как в белорусских преобладает вариант без начального *и-*.

Покажем более подробно, как конструкции с рассматриваемыми вспомогательными глаголами распределяются в рутенских грамотах в зависимости от места создания документа (для старовеликорусских грамот такая статистика малоинформативна, поскольку большинство текстов в нашем корпусе — грамоты Москвы и в целом Северо-Восточной Руси; к тому же в старовеликорусской деловой письменности представлена только конструкция с *иму*).

Таблица 2. Распределение вспомогательных глаголов в рутенской деловой письменности

	Имамь	Имѣю	Имаю	Маю	Иму
Полоцк			5	8	8
великокняжеская/королевская канцелярия	1	17	29	95	0
Всего	1	17	34	103	8
Волынъ				4	
Острог			1	1	
Киев			6	2	4
Галиция			21	7	
Молдавия	1		13	2	50
Всего	1	0	41	16	54

Как видно из таблицы, можно выделить несколько регионов, различающихся тем, какие вспомогательные глаголы здесь более употребительны. Так, выделяется север рутенской территории, включающий грамоты великокняжеской канцелярии, а также Волынъ, где преобладают конструкции с формами типа *маю*, отражающими отпадение начального *и*. В этих же текстах, за исключением волинских, *имаю* конкурирует с *имѣю*. Однако вариант *имѣю* встречается только в текстах первой трети XV в., а вариант *маю* — основной в текстах второй половины XV в.

С другой стороны, в грамотах юга преобладают конструкции с *имаю*, а в молдавских грамотах — с *иму*. На основании данных таблицы можно

заметить одну любопытную закономерность: вариативность форм выше там, где тексты отражают преобладание случаев без отпадения начального *и* (формы типа *имаю*). Так, в молдавских грамотах вариант *имаю* более частотен, чем *маю*, и для этих текстов наиболее характерен вариант с *иму*. Как кажется, такая закономерность связана с тем, что отпадение начального *и*- препятствует паронимической аттракции между формами глаголов *имаю* и *иму*, которая основана именно на общности корня *им*-. Там, где преобладают формы с отпадением начального *и*-, утрачиваются основания для взаимодействия парадигм глаголов *имати*, *имѣти* и *яти*.

Конструкции со вспомогательным глаголом *имѣю* встречаются только в грамотах великих князей литовских и короля польского Владислава II (Ягелло). При этом они не употребляются в более поздних грамотах королей польских Казимира IV и Александра, где используются только конструкции с *маю*. Примеры с *имѣю* встречаются преимущественно в грамотах, составленных на территории Польского королевства (в Галиции или Ланцице). Очень частотна конструкция *имѣю* + инфинитив в тексте Статута польского короля Владислава II (Ягелло). Интересно, что три примера с *имѣю* представлены в грамоте польских епископов из Ланцицы, ср.:

(21) А межѣ волоскою землею какъ издавна оу лѣсъ ходили, такъ и нинѣ **ходи-ти имѣють** на вѣки вѣчныи [Розов № 68, 1433 г.].

Рассмотрим семантические особенности употребления конструкций с вспомогательными глаголами *имамь*, *имѣю*, *имаю*, *маю* и *иму* в восточнославянской деловой письменности XV в. Мы будем различать следующие семантические типы: деонтическая модальность (возможность или необходимость), будущее время с фазовым/общефактическим значением и будущее время с нефазовым/континуативным значением (т. е. без дополнительных семантических компонентов). Под континуативным значением мы понимаем такое, в котором конструкция обозначает продолжение в будущем уже начавшейся ситуации. Термин *общефактический* в целом принято использовать по отношению к семантике форм прошедшего времени, однако мы вслед за Н. М. Стойновой [Стойнова 2019] считаем возможным применять этот термин и для описания семантики форм с референцией к будущему для контекстов, в которых конструкции обозначают нелокализованное событие в будущем, которое произойдет хотя бы один раз.

Мы не разграничиваем деонтическую возможность и необходимость, поскольку в наших материалах прослеживается следующая закономерность: если конструкция имеет значение деонтической необходимости, то у нее также представлено и значение деонтической

возможности, обратное тоже верно. Мы не разделяем фазовое и общефактическое значения, так как в ряде случаев их не удастся контекстуально разграничить, общефактическое значение зачастую представлено в паре с фазовым и, по-видимому, для рассматриваемых конструкций является не самостоятельным, а только импликацией.

Конструкция *имамь* + инфинитив

В старовеликорусской деловой письменности не обнаружено ни одного примера употребления конструкции со вспомогательным глаголом *имамь*, поскольку она всегда оставалась здесь маркированно книжной. При этом в старобелорусских и староукраинских грамотах зафиксировано по одному примеру проникновения такого рода форм в деловую письменность¹⁵:

- (22) По его животѣ не **имамь** **искати** [‘нам не следует искать (=нельзя искать)’] иныхъ гѣдръ мимо нашего гѣдра великого короля влодислава полского (Троки) [Розов № 35, 1401 г.];
- (23) А **имат** **са поставити** [‘должна быть назначена’] цина соукни оу Соучавѣ, яко во Львовѣ (Молдавия) [Русанівський № 55, 1460 г.].

В этих примерах конструкция *имамь* + инфинитив употреблена в контекстах деонтической модальности: возможности в (22) и необходимости в (23). Как будет показано ниже, такое употребление было характерно для конструкции *имаю* + инфинитив. Возможно, в первом — довольно раннем примере — перед нами результат интерференции с книжной письменностью, во втором не исключен результат колебаний в форме вспомогательного глагола (контаминация форм *имет* и *имает*, см. ниже), что вполне ожидаемо в молдавских грамотах. Не исключено также выпадение /е/ в обоих случаях, и тогда перед нами вспомогательный глагол *имаю*, а не *имамь*.

В старовеликорусской книжной письменности конструкция *имамь* + инфинитив преимущественно употреблялась в значении будущего времени с усиленной ассерцией (24), однако изредка встречалась и в контекстах деонтической модальности (25), подобных приведенным выше. Еще реже можно обнаружить эту конструкцию в фазовом значении в качестве замены конструкции *иму* + инфинитив [ср. пример (26), найденный И. С. Юрьевой]:

- (24) Нынѣ же пусти мя, рабе Божий, и отселе **не имамь** **приити** [‘я ни за что не приду’] сѣмо! [Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе (1429–1440)];

¹⁵ Конструкции с *имамь* известны и более ранним грамотам XIV в.

- (25) Мнѣ же выпросившу: «Камо хочешь изыти, еда нужи ради коея?», — ему же рекшу: «**Имам ити** [‘я должен идти’] къ вечерни». [Рассказ о смерти Пафнутия Боровского (1477–1478)];
- (26) Аще ли по моем животѣ оскудѣвати начнет монастырь, черноризецъ **имать малитис**<я> [‘станет уменьшаться количество монахов’] и потребы манастирьскихъ начнут оскудѣвати (!), то вѣдуще будите, яко не угодил есмь Богу (МС: 5 об.–6, под 1074 г.) [Юрьева 2011: 83].

Конструкция *имѣю* + инфинитив

Примеров с вспомогательным *имѣю* в подкорпусе старовеликорусских деловых текстов XV в. не обнаружено. Такие конструкции получают распространение в старовеликорусской письменности гораздо позднее — не ранее рубежа XVI–XVII вв. (см. об этом [Пенькова 2021]).

В рутенских грамотах XV в. встретилось 18 примеров с формами типа *имѣю*, (главным образом, в галицких и грамотах из Ланцицы). Это грамоты польского короля Владислава II (Ягелло) (например, грамота молдавскому воеводе Александру Доброму 1411 г. и договорная грамота с молдавским воеводой Стефаном 1433 г.) грамоты князя Свидригайла (например, грамота черниговского князя Свидригайла Максиму Драгосиновичу 1424 г.), договорная грамота польских епископов с молдавским воеводой Стефаном 1433 г. В них конструкция *имѣю* + инфинитив представлена в нескольких типах контекстов. Наиболее часто она употребляется в значении деонтической модальности (27–28):

- (27) И тогды **имѣемъ дати** [‘мы должны дать’] ему за тьи двѣ селищи шестьдесятъ копѣ [Розов № 61, 1429 г.];
- (28) Какъ издавна оу лѣсѣ ходили, такъ и нинѣ **ходити имѣють** [‘имеют право ходить’] на вѣки вѣчныи [Розов № 68, 1433 г.].

Однако также обнаруживаются редкие примеры этой конструкции в континуативном значении (29). Такие контексты типичны для конструкции *буду* + инфинитив (ср. пример 30):

- (29) Што ж есть нам вѣрнѣ *послужил* и **служит имѣет** [‘который нам верно послужил и далее будет служить’], даем и дали есмо ему село на имя Косово [Розов № 54, 1424 г.];
- (30) <то ксм>и вчини́ли. возо́зрѣвши. на нашего вѣрного слугу. на данила на балькова зат<а. шт>о же ксть намъ *послужилъ*. и **служити будетъ** вѣрно [‘который нам послужил и далее будет служить верно’]. [Жалованная грамота князя Владислава Опольского Даниле Дажбоговичу на села в Жидачовской волости {Львов} (1375 г.)].

Конструкция *имаю* + инфинитив

Конструкции со вспомогательным глаголом *имаю* отмечены только в староукраинской и старобелорусской деловой письменности. Старовеликорусские деловые тексты их не знают, однако единичные примеры с *имаю* + инфинитив обнаруживаются в книжных текстах XV — первой половины XVI в.: один пример в Сказании о Мамаевом побоище и два примера в Вологодско-Пермской летописи (выше также приведены более ранние примеры):

- (31) И мало убо потръпим до времени подобна, вън же час **имаем** въздарие **отдати** [‘в час, в который непременно воздадим ответный дар’] противником. [Сказание о Мамаевом побоище (первая четверть XV в.)];
- (32) И посла к нему царица, рекуще: «аще хоцещи избыти болѣзни сея, то въскоре крестися; аще ли ни, то **не имаеши избыти** [‘то тебе не избавиться от этой болезни’] болѣзни сея». [Вологодско-Пермская летопись (852–1538 гг.) (1490–1550 гг.)]¹⁶.

Примеров употребления конструкции *имаю* + инфинитив в книжных текстах XVI–XVII вв. больше, однако все эти случаи ограничены только определенным кругом памятников, среди которых Вологодско-Пермская летопись, Повесть о приходе Стефана Батория на Псков, Холмогорская летопись и Александрия по списку XVII в., содержащая 27 случаев употребления этой конструкции, ср.:

- (33) Видѣхъ бо в нощь сию во снѣ пророка Данила глаголюща ко мне: «Се грядет к вамъ, о немже азъ древле прорекох, иже бо от персь пострадахомъ, сий Александръ возмездие нам **платити имаеть** [‘сей Александр непременно оплатит нам возмездием’]». [Александрия].

Во всех примерах из старовеликорусских книжных памятников конструкция *имаю* + инфинитив употребляется в значении будущего времени с усиленной ассерцией, т. е. так, как более распространенная в старовеликорусской книжной письменности конструкция *имамь* + инфинитив. Согласно исследованию Е. А. Смирновой, в простомовных Евангелиях основным средством выражения значения будущего времени с усиленной ассерцией служит именно конструкция *(и)маю* + инфинитив (см. выше пример 16). По-видимому, форму *имаю* в данном случае можно рассматривать как маргинальный вариант глагола *имѣти*, проникающий в старовеликорусскую книжную письменность под влиянием простой мовы.

¹⁶ То же чтение представлено в Повести временных лет по Ипатьевскому списку: аще хоцещи болѣзни сея избыти. то въскорѣ кр(с)тиса. аще ли ни то **не имаеши избыти сего**. [Повесть временных лет (1110-е гг.) по Ипатьевскому списку].

В староукраинской деловой письменности конструкция *имаю* + инфинитив встречается только в контекстах деонтической модальности:

- (34) А намъ с тои коръчмы **имаеть давати** [‘должен давать’] сто грошиковъ [Розов № 39, 1407 г.];
- (35) Не **имаеть** тои коръчмы от нег<о> **отняти** [‘не имеет права отнять’] ни одинъ староста [Розов № 42, 1411 г.].

В полоцких грамотах конструкция *имаю* + инфинитив в подавляющем большинстве случаев встречается в контекстах деонтической модальности (36). Только в одном примере нам удалось обнаружить эту конструкцию в значении будущего времени без каких-либо модальных оттенков (37), ср.:

- (36) Так вѣчныи записы великих ос(по)д(а)реи не могоут(ь) быти порушоны, але **имаеть** справедливость **быти** [‘но справедливость должна быть с обеих сторон согласно бессрочным документам’] с обою стороною подлогъ вѣчных записов. [Хорошкевич et al. № 158 1463 г.];
- (37) И wsp(о)д(а)рь наш корол(ь) его м(и)л(о)сть w том вашей м(и)л(о)сти wтписал, хотя то имѣти, абы таки шла печат(ь) полоцкаа без вашео печати. И ваша м(и)л(о)сть на wsp(о)д(а)рьский листь к нам ничего не wтписали. Ино толко по вашей м(и)л(о)сти жадаемъ, абы ваша м(и)л(о)сть дали нам wтписъ на wsp(о)д(а)рьский листь, што быхом вѣдали, которыи речи wт вашей м(и)л(о)сти **имають быти** к нам [‘какое послание Вашей милости будет к нам’]. [Хорошкевич et al. № 163, 1464–1465 гг.].

Конструкция *маю* + инфинитив

Конструкция *маю* + инфинитив семантически не отличается от *имаю* + инфинитив. Различия между двумя вариантами вспомогательных глаголов прослеживаются только в их территориальном распределении. В староукраинских грамотах, как и в современном украинском языке, она встречается преимущественно в контекстах деонтической модальности:

- (38) Тогды **мает** [ис]тець **ждати** [‘должен ждать’] того чоловѣ[ка] другыѣ три дни [Розов № 73, 1435 г.].

Согласно примерам из [ССУМ: 435]¹⁷, конструкция *маю* + инфинитив в староукраинской деловой письменности также могла употребляться в значении будущего времени с усиленной ассерцией (39), характерном для данной конструкции в простомовных памятниках, и в общефактическом значении (40) (в нашем корпусе таких примеров нет):

¹⁷ В ССУМ эти примеры толкуются как сложное будущее время.

- (39) И я, познав по соби, иже с тое раны **маю пойти** перед Бог [‘от той раны мне суждено пойти <предстать> перед Богом’], запишю Пресвятой Божей Матери Земенского села по своей души Марков Ставь (АрхЮЗР 8/IV, 27);
- (40) А хто **маеть** но [так!] новых мытехъ мыто **брати** [‘кто станет взимать пошлину’], в тыхъ имѣн<ь>я пооднимаемъ (АЛМ 9, вт. пол. XV в.).

В старобелорусских деловых текстах *маю* + инфинитив встречается только в контекстах деонтической модальности:

- (41) Коли сѧ пригодить дело городовое, ино ты, наместникъ нашъ, а любо иныи, которые потомъ боудеть ѡт нас город Полтескъ держати, **маеть приказывати** и **роздавати** дело [‘имеет право приказывать и раздавать’] волостемъ задвиньскимъ и полоцкимъ пригономъ и инымъ волостемъ, которые боудоуть издавна город Полтескъ роубливали. [Хорошкевич et al. № 209, 1475 г.].

Конструкция *иму* + инфинитив

В старовеликорусской деловой письменности конструкция *иму* + инфинитив представлена только в футуральных контекстах с фазовым или общефактическим значениями:

- (42) А которой судья **не имет казнити** [‘а какой судья не станет казнить / не казнит’], тому быти от меня самому кажнѣну. [Жалованная грамота льготная и несудимая великого Князя московского Василия Дмитриевича митрополиту Фотию на села Андреевское и Мартемьяновское во Владимирском уезде (1425 г.)];
- (43) А ктѡ **имет** твою ѡтчину **ѡбидѣти** [‘а кто станет наносить ущерб / нанесет ущерб’], и мнѣ тебѧ боронити. [Докончание великого князя московского Василия Васильевича с князем галицким и звенигородским Юрием Дмитриевичем. Грамота великого князя Василия Васильевича князю Юрию Дмитриевичу (1428.03.11)];
- (44) И хто **имет** поп у Покрова **служити** [‘кто из попов станет / будет служить в Покровском монастыре’], и он ту пустошь делает. [Данная старца Нифонта Скобельцина Покровскому Хотькову монастырю на пустошь Давыдовскую в Радонеже (1440–1460 гг.)].

Такое же употребление конструкции *иму* + инфинитив характерно для языка полоцких грамот, в которых, как указано выше, она в целом встречается достаточно редко, что, по-видимому, свидетельствует о постепенном выходе ее из употребления:

- (45) А приказалъ еси дом С(ва)т(о)го Николы дѣтемъ своимъ, бояромъ полѣтцкымъ и моужемъ полочаномъ всимъ, печаловатися домоу С(ва)т(о)го Николы, хто **иметь убидет(и)** [‘кто станет наносить ущерб / нанесет ущерб’]. А хто **иметь вѣстоупатся** [‘кто станет посягать / посягнетя’], соудитъ насъ с(ва)тая Тро(и)ца на Страшномъ соудѣ. [Хорошкевич et al. № 135, 1452 г. — около 1458 г.];
- (46) А што **имут(ь)** вашей м(и)л(о)сти словомъ **молѣвити** [‘что станут Вашей милости говорить / будут говорить’], ино то наше слово, всег(о) мѣста Полоцкоу. [Хорошкевич et al. № 162, 1464–1465 гг.].

Конструкция *иму* + инфинитив вообще не встречается в исследованных нами грамотах великокняжеской или королевской канцелярии.

Характер употребления конструкции *иму* + инфинитив в староукраинской деловой письменности в значительной степени отличается от особенностей функционирования этой конструкции в старовеликорусской и старобелорусской. Здесь, с одной стороны, грамоты Киева почти не отличаются от старобелорусских, поскольку в первых конструкция *иму* + инфинитив употребляется редко и только с общефактическим значением. В ССУМ, однако, зафиксирован пример, в котором эта конструкция употреблена в континуативном контексте (48), на что указывает наречие *доколь*. С другой стороны, в молдавских грамотах перифраза *иму* + инфинитив очень частотна, помимо контекстов с фазовым/общефактическим значениями (47), она широко встречается в контекстах деонтической модальности (49–51):

- (47) А кто **имет погнати** [‘кто погонит’] скотъ до татаръ, на головное мыто оу Сочавѣ от скота четьри гроши. [Русанівський № 32, 1408 г.];
- (48) *Докоуѣ* ме **имете слышати** [‘пока будете знать’] аже есмь жив. (Торговище, 1481, 358) [ССУМ, 1: 447];
- (49) А мыто **имут дати** [‘должны заплатить’] от камене оу баковѣ один грошъ. [Русанівський № 32, 1408 г.];
- (50) А... кунци колко будут намъ надобни, а мы **имемъ** соби **купити** [‘имеем право себе купить’]. [Ibid.];
- (51) Оу котором тръгоу **имет коупити** [‘на котором рынке будет покупать’], там **имет давати** [‘там должен давать’] от скота. [Русанівський № 55, 1460 г.].

Необходимо также отметить, что вспомогательный глагол *иму* в молдавских грамотах как в модальном, так и в общефактическом значении может сочетаться с глаголами совершенного вида (47, 49, 52), хотя изначально имел ограничение на сочетаемость только с глаголами несовершенного вида:

- (52) А кто **иметь повезти** [‘кто повезет’] соукна до брашева, а оу головном мытѣ оу свчавѣ отъ гывны по три гроши. [Русанівський № 55, 1460 г.].

По-видимому, такую возможность вспомогательный глагол *иму* приобретает от вспомогательного глагола *имаю*, у которого нет ограничений на сочетаемость с видом, поскольку перифразы с *иму* проникают в контексты деонтической модальности, типичные для *имаю*-конструкций.

В молдавских грамотах также встречаются примеры с модальным глаголом *мочи*, в которых конструкция *иму* + инфинитив употребляется без дополнительных семантических оттенков в значении потенциального будущего времени:

- (53) Дати имь на що *мочи* *имем* их упросити [‘на что сможем их уговорить’].
[Русанівський № 53, 1456 г.].

Как видно из предшествующего описания, разные восточнославянские идиомы имеют свои особенности функционирования рассматриваемых конструкций, часто попарно сближаясь по какому-либо параметру. Так, старобелорусская и староукраинская деловые письменности весьма близки в характере употребления конструкции *имаю* + инфинитив, которая в старовеликорусской деловой письменности отсутствует. При этом конструкции *имью* + инфинитив встречаются только в ограниченном числе грамот короля польского Владислава II (Ягелло), князя Свидригайла и в некоторых других, происходящих с территории Польского королевства, и не фиксируются в местных полоцких и староукраинских грамотах. В отношении употребления конструкции *иму* + инфинитив все три идиома различаются между собой в том или ином отношении. Только в староукраинской письменности и только в молдавских грамотах эта конструкция встречается с глаголами совершенного вида и в модальном значении. Старобелорусские и старовеликорусские деловые тексты знают конструкцию с *иму* только в фазовом и общефактическом значениях, но при этом существенно различаются между собой в ее частотности: если в старовеликорусских грамотах конструкция распространена очень широко, то в старобелорусских, напротив, она встречается редко.

Как кажется, этим различиям можно предложить возможное объяснение, если мы обратим внимание на характер функционирования в данных памятниках еще одной конструкции с референцией к будущему — *буду* + инфинитив. Наиболее широко последняя представлена именно в старобелорусских грамотах XV в. (58 примеров), с чем, по-видимому, и связано снижение частотности *иму* + инфинитив (всего 8 примеров), ср. возможность употребления обеих конструкций в одном и том же типе контекста:

- (54) А што *имут(ь)* вашей м(и)л(о)сти словом *мольвити* [‘что станут Вашей милости говорить / будут говорить’], ино то наше слово, всег(о) мѣста Полоцкого. [Хорошкевич et al. № 162, 1464–1465 гг.];

- (55) Што **будет(ь)** ѡт нас вам **молвити** [‘что будут Вашей милости говорить’], штобы ваша м(и)л(о)сть ему вѣрили, то есть наши рѣчы. [Хорошкевич et al. № 223, 1477–1484 гг.].

В старовеликорусской письменности XV в. конструкция *буду* + инфинитив практически не употребляется, поэтому *иму* + инфинитив сохраняет широкое распространение. Единственное исключение — два примера в грамоте, которая связана с деловой традицией Великого княжества Литовского, — Докончании князя Федора Львовича с великим князем литовским Казимиром:

- (56) Нешто мыслить Богъ над великимъ княземъ Казимиромъ, ино мне и моимъ детемъ слоужыти Литовъской земли, которыи **боудеть держати** Литовъское княженъе, или его наместнику, хто **боудеть** после него **держати** великое княженъе Литовъское. [Докончание князя новосильского и одоевского Федора Львовича с великим князем литовским Казимиром. Грамота князя Федора Львовича великом князю Казимиру (1442.02)]

В староукраинской письменности конструкции с *буду* встречаются редко: всего 6 примеров против 54 случаев с *иму* (несмотря на то что конструкции с *буду* на этой территории фиксируются уже в последней четверти XIV в., в том числе в цитированной выше Жалованной грамоте князя Владислава Опольского 1375 г. [Полехов, Крысько 2021: 35]), т. е. ситуация противоположна той, которая представлена в старобелорусских грамотах (включая великокняжеские). Как известно, конструкции с *иму* так и не будут полностью вытеснены формами с *буду* в украинском языке.

Обобщим сопоставление конструкций с *иму* и с *буду* в таблице:

Таблица 3. Соотношение частотности конструкций со вспомогательными глаголами *иму* и *буду* в восточнославянской деловой письменности XV в.

	<i>иму</i> + инфинитив	<i>буду</i> + инфинитив
Старовеликорусские	177	2
Старобелорусские	8	58
Староукраинские	54	6

Обобщим рассмотренные выше семантические особенности конструкций со вспомогательными глаголами *имаю*, *имаю/маю*, *имѣю* и *иму* в виде таблицы¹⁸:

¹⁸ Единственный пример с конструкцией *маю* + инфинитив в значении будущего времени с усиленной ассерцией, приводимый в ССУМ, в таблице не учитывается.

Таблица 4. Семантика конструкций со вспомогательными глаголами *имамь, имаю, имѣю, иму* в восточнославянской деловой письменности XV в.

	имамь		имѣю		(и)маю		иму		
Значение	Укр	Бел	Укр	Бел	Укр	Бел	Укр	Бел	Рус
Деонтическая модальность	1	1		16	57	136	17		
Общефактическое / фазовое							33	8	177
Континуатив / нефазовое будущее				1		1	4		

Некоторые выводы

Представленный выше анализ употребления вспомогательных глаголов *имамь, имѣю, имаю* и *иму* в конструкциях с инфинитивом в восточнославянской деловой письменности XV в. позволяет сделать следующие выводы. В старовеликорусской письменности XV в. объединения парадигм *имѣти* и *яти* не происходит, выделяются два четких полюса: *имѣти* + инфинитив со значением будущего времени с усиленной асерцией в книжной письменности и *яти* + инфинитив с фазовым или общефактическим значением в некнижной письменности. В первом случае употребляются только исконные формы типа *имамь, имаши*. Формы типа *имаю* + инфинитив представляют собой маргинальный вариант конструкции *имѣти* + инфинитив, проникающий в старовеликорусскую книжную письменность под влиянием простой мовы. Формы типа *иму, имеши* соотносятся только с инфинитивом *яти*.

В старобелорусской деловой письменности XV в. вспомогательный глагол *имати/имѣти* имеет набор вариантных парадигм *имаю/маю/имѣю*, формы типа *иму, имеши* соотносятся с инфинитивом *яти*. Взаимодействия между *имѣти* и *яти* не происходит, поскольку формы типа *маю* резко преобладают над *имаю* и *имѣю*, и оснований для смешения мало.

В староукраинской деловой письменности характер употребления рассматриваемых конструкций различается в зависимости от региона. В волинских грамотах преобладает вариант с глаголом *маю*, тогда как в центральных и юго-западных галицких — с *имаю*. Конструкции с *имаю* + инфинитив и *маю* + инфинитив употребляются только в контекстах деонтической модальности, конструкции с *иму* — в фазовом/общефактическом значении. В молдавских грамотах конструкции с *иму* употребляются шире: встречаются также в контекстах деонтической модальности и в значении потенциального будущего времени. Кроме

того, здесь вспомогательный глагол *иму* может присоединять инфинитив совершенного вида. Таким образом, в староукраинской письменности модальный вспомогательный глагол *имати/имѣти* имеет презентные формы *имаю/маю* с преобладанием первых. Формы *иму* в грамотах Киева не обнаруживают тенденции к смещению с формами *имаю* и соотносятся с инфинитивом (*ин*)*яти*. В молдавских грамотах сближение *иму* и *имаю* наиболее отчетливо: конструкции с *иму* приобретают семантические особенности конструкций с *имаю*. Противоположная тенденция не отмечена.

Словарь современного украинского языка также свидетельствует о взаимодействии парадигм *имати* и (*ин*)*яти* (ср. словарную статью «імати, маю, еш, сов. в. імити, іму меш» [Гринченко, II 1908: 198]), тогда как в словаре современного белорусского языка такие формы не представлены.

По-видимому, одной из причин, по которым в украинском языке конструкция *иму* + инфинитив смогла грамматикализироваться как будущее время, могло послужить то, что именно в диалектах данной территории начала стираться граница между модальным глаголом *имати/имѣти* и начинательным глаголом (*ин*)*яти*, чего не наблюдается ни в старовеликорусской, ни в старобелорусской письменности. Судя по всему, именно это помогло конструкции *иму* + инфинитив расширить свою семантику за пределы фазовости и проникнуть в контексты чистого будущего времени (см. выше о преобладании этой конструкции в своем исконном употреблении в зависимых предикациях). Так, в языках мира мы почти не найдем примеров, когда глагол контакта со значением ‘взять, схватить’ становится лексическим источником показателя будущего времени. В монографии [Bybee et al. 1994] таких примеров не зафиксировано вовсе, а в [Heine, Kuteva 2004] приведены редкие примеры из китайского, цыганского и венгерского языков. При этом грамматикализация этих форм в цыганском и венгерском объясняется как раз контактным влиянием славянских языков: русского языка для цыганского [Кожанов 2016] и паннонских южнославянских диалектов как субстрата для венгерского [Золтан 2018]. К тому же мы знаем, что ни в русском, ни в сербском языке грамматикализация в будущее время так и не достигла завершения, и единственным славянским языком, где конструкции с *иму* грамматикализировались в показатель будущего времени, является украинский, в котором этот процесс был обеспечен семантическим сближением с *имѣти*. Аналогично — именно через семантическую стадию ‘иметь’ — латинский глагол *habeo*, изначально означавший ‘взять, схватить’, сделал себе карьеру в качестве показателя будущего времени в романских языках.

Бібліографія

Словари и источники

Гринченко

Гринченко Б. Д., *Словарь украинского языка*, Киев, II (З–Н), 1908.

ГСБМ

Гістарычны слоўнік беларускай мовы, 14 (Игде — катуючий), Жураўскі А. І., гл. ред., Мінск, 1996.

Ефр.Сир.

Bojkovsky G., *Paraenesis: Die altbulgarische Übersetzung von Werken Ephraims des Syrers*, I–IV, R. Aitzetmüller, L. Sadnik, E. Weiher, eds., Freiburg im Breisgau, 1984–1988 (*Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertations*, XX).

НКРЯ

Национальный корпус русского языка (<https://ruscorpora.ru/>).

Розов 1928

Розов В., *Українські грамоти, I. XIV в. и перша половина XV в.*, Київ, 1928.

Русанівський 1965

Русанівський В. М., *Українські грамоти XV ст.*, Київ, 1965.

СДРЯ

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.), IV (изживати–молени), Аванесов Р. И., гл. ред., Москва, 1991.

СлРЯ XI–XVII

Словарь русского языка XI–XVII вв., 6 (Зипунъ–Иянуарий), Бархударов С. Г., гл. ред., Москва, 1979.

Срезневский, I–III

Срезневский И. И., *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, I–III*, С.-Петербург, 1893–1912.

СРНГ, 1–52–

Словарь русских народных говоров, 1–52–, Москва, Ленинград, С.-Петербург, 1965–2023–.

ССУМ

Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.: У 2 т., Гумецька Л. Л., Керницький М., ред., Київ, 1977–1978.

Хорошкевич et al. 2015

Хорошкевич А. Л., Полехов С. В., Воронин В. А., Груша А. И., Жлутко А. А., Сквайрс Е. Р., Тюльпин А. Г., ред., *Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв.*, 2, Москва, 2015.

Литература

Бевзенко 1960

Бевзенко С. П., *Історична морфологія української мови (Нариси із словозміни та словотвору)*, Ужгород, 1960.

Булыка et al. 1988

Булыка А. М., Жураўскі А. І., Крамко І. І., Свяжынскі У. М., *Мова беларускай пісьменнасці XIV–XVIII стст.*, Мінск, 1988.

Гранстрём 1953

Гранстрём Е. Э., *Описание русских и славянских пергаменных рукописей: Рукописи русские, болгарские, молдовлахийские, сербские*, Ленинград, 1953.

Гудков 1963

Гудков В. П., Параллель из истории форм будущего времени в сербохорватском и русском языках, *Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР*, 38: Славянское языкознание, Королук В. Д. et al., ред., Москва, 1963.

Жовтобрюх et al. 1980

Жовтобрюх М. А., Волох О. Т., Самійленко С. П., Слинко І. І., *Історична граматика української мови*, Київ, 1980.

Золтан 2018

Золтан А., Венгерское сложное будущее в славянском контексте, *Восьмые Римские Кирилло-Методиевские чтения. Материалы конференции. (Рим – Флоренция, 5–10 февраля 2018 г.)*, Запольская Н., Обижаева М., ред., Москва, 2018, 65–70.

Кожанов 2016

Кожанов К. А., Аналитическое будущее время в языке русских цыган как калька с восточнославянских языков, *Slověne*, 2016, 1, 249–262.

Козлов 2014

Козлов А. А., К грамматической семантике старославянских конструкций *хотѣти* / *имѣти* с инфинитивом, *Русский язык в научном освещении*, 2014, 1/27, 122–149.

Купчинський 1997

Купчинський О., Забуті та невідомі староукраїнські грамоти XIV — першої половини XV ст., *Записки Наукового товариства ім. Шевченка у Львові*, 233, 1997, 333–359.

Мозер 2002

Мозер М., Что такое «простая мова»?., *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 2002, 47/3–4, 221–260.

Молдован 2000

Молдован А. М., Пять новонайденных украинских грамот конца XIV — начала XV в., *Лингвистическое источниковедения и история русского языка*, Москва, 2000.

Мустафина 1984

Мустафина Э. К., *Способы выражения значения будущего времени в тексте «Повести временных лет»*, диссертация ... кандидата филологических наук, Душанбе, 1984.

Пенькова 2019

Пенькова Я. А., *Иму, учьну, стану, буду*: корпусное исследование перифраз будущего времени в среднерусской письменности, *Slavistična revija*, 2019, 4/67, 569–586.

——— 2021

Пенькова Я. А., Инфинитивные конструкции с глаголом ИМѢТИ в позднесреднерусской письменности, *Sub specie aeternitatis. Сборник научных статей к 60-летию Вадима Борисовича Крысько*, Ладыженский И. М., Пузина М. А., ред., Москва, 2021, 212–227.

——— 2023

Пенькова Я. А., Инфинитивные конструкции с глаголами *имѣти* и *хотѣти* в церковнославянских памятниках Древней Руси XIII в., *Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов XII Международной конференции. Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики»*, Москва, 2023, 147–148.

——— 2024a

Пенькова Я. А., Анализ дистрибуции инфинитивных конструкций с глаголами *хотѣти* и *имѣти* в истории русской письменности, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 2024, 97/3, 170–185.

——— 2024b

Пенькова Я. А., Глаголы *имати* и *бърати*: дистрибуция и конкуренция в истории русского языка, *Вестник Волгоградского университета. Серия 2. Языкознание*. 2024, 23/6, 63–79.

Полехов, Крысько 2021

Полехов С. В., Крысько В. Б., Жалованная грамота князя Владислава Опольского Даниле Дажбоговичу 1375 г., *Die Welt der Slaven*, 2021, 66/1, 19–45.

Смирнова 2021

Смирнова Е. А., Сложное будущее время в «простомовных» памятниках XVI в., *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*, 2021, 43/5, 66–70.

Соколова 1972

Соколова И. Г., *Будущее время глагола в русской и украинской деловой письменности XV века*, автореферат ... кандидата филологических наук, Ташкент, 1972.

Стойнова 2019

Стойнова Н. М., Будущее НСВ и инфинитивное сочетание с глаголом *стать* как конкурирующие конструкции в современном русском языке, *Русский язык в научном освещении*, 2019, 37/1, 58–82.

Тихомиров 1961

Тихомиров М. Н., Пространные списки Закона Судного людем, *Закон Судный людем пространной и сводной редакции*, Тихомиров М. Н., ред., Москва, 1961.

Толстой 1988

Толстой Н. И., *История и структура славянских литературных языков*, Москва, 1988.

Шевелева 2017

Шевелева М. Н., К проблеме грамматической семантики конструкций типа *имать быти* vs. *хочеть быти* в ранних восточнославянских текстах, *Русский язык в научном освещении*, 2017, 2/34, 194–218.

——— 2019

Шевелева М. Н., О древнерусском глаголе *имѣти*, посессивных конструкциях и сложном будущем с *имамь/имоу* в ранних восточнославянских текстах, *Вопросы языкознания*, 2019, 6, 32–50.

Юрковский 1991

Юрковский М., Сложное будущее время в украинском языке XIV–XV вв., *Исследования по глаголу в славянских языках: История славянского глагола*, Хабургаев Г. А., Бартошевич А., ред., Москва, 101–113.

Юрьева 2009

Юрьева И. С., *Семантика глаголов имѣти, хотѣти, начати (почати) в сочетаниях с инфинитивом в языке древнерусских памятников XII–XV вв.*, диссертация ... кандидата филологических наук, Москва, 2009.

——— 2011

Юрьева И. С., Инфинитивные сочетания с глаголами *имамь* и *имоу* в древнерусских текстах, *Русский язык в научном освещении*, 2011, 2/22, 68–88.

Янкоўскі 1983

Янкоўскі Ф., *Гістарычная граматыка беларускай мовы*, Мінск, 1983.

Andersen 2006

Andersen H., Periphrastic futures in Slavic. Divergence and convergence, *Change in verbal systems. Issues in explanation*, K. Eksell, T. Vinther, eds., Bern, 2006, 9–45.

Birnbaum 1958

Birnbaum H., *Untersuchungen zu den Zukunftsumschreibungen mit dem Infinitiv im Altkirchenslavischen. Ein Beitrag zur historischen Verbalsyntax des Slavischen*, Stockholm, 1958.

Bybee 2011

Bybee J. L., Usage-based Theory and Grammaticalization, *The Oxford Handbook of Grammaticalization*, B. Heine, H. Narrog, eds., Oxford, 2011.

Bybee et al. 1994

Bybee, J. L., Pagliuca W., Perkins R., *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World*, Chicago, 1994.

Hansen 2001

Hansen B., *Das slavische Modalauxiliar Semantik und Grammatikalisierung im Russischen, Polnischen, Serbischen/Kroatischen und Altkirchenslavischen* (= Slavo-linguistica, 2), München, 2001.

Heine, Kuteva 2004

Heine, B., Kuteva T., *World Lexicon of Grammaticalization*, Cambridge, 2004.

Křížková 1960

Křížková H., *Vývoj opisného futura v jazycích slovanských, zvláště v ruštině*, Praha, 1960.

Stang 1935

Stang Chr. S., *Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen*, Oslo, 1935.

——— 1939

Stang Chr. S., *Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk*, Oslo, 1939.

References

Andersen H., Periphrastic futures in Slavic. Divergence and convergence, *Change in verbal systems. Issues in explanation*, K. Eksell, T. Vinther, eds., Bern, 2006, 9–45.

Bevzenko S. P., *Istorychna morfologii ukrains'koï movy (Narysy iz slovozmyny ta slovotvoru)*, Uzhhorod, 1960.

Birnbaum H., *Untersuchungen zu den Zukunftsumschreibungen mit dem Infinitiv im Altkirchenslavischen. Ein Beitrag zur historischen Verbalsyntax des Slavischen*, Stockholm, 1958.

Bulyka A. M., Zhuraŭski A. I., Kramko I. I., Svi-azhynski U. M., *Mova belaruskai pis'mennasts'i 14–18 stst.*, Minsk, 1988.

Bybee J. L., Usage-based Theory and Grammaticalization, *The Oxford Handbook of Grammaticalization*, B. Heine, H. Narrog, eds., Oxford, 2011.

Bybee, J. L., Pagliuca W., Perkins R., *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World*, Chicago, 1994.

Granstrem E. E., *Opisanie russkikh i slavianskikh pergamennykh rukopisei: Rukopisi russkie, bolgarskie, moldovlakhiijskie, serbskie*, Leningrad, 1953.

Gudkov V. P., Parallel iz istorii form budushchego vremeni v serbokhorvatskom i ruskom iazykakh, *Kratkie soobshcheniia Instituta slavianovedeniia AN SSSR*, 38: Slavianskoe iazykoznanie, Koroliuk V. D. et al., ed., Moscow, 1963.

Hansen B., *Das slavische Modalauxiliar Semantik und Grammatikalisierung im Russischen, Polnischen, Serbischen/Kroatischen und Altkirchenslavischen* (= Slavo-linguistica, 2), München, 2001.

Heine, B., Kuteva T., *World Lexicon of Grammaticalization*, Cambridge, 2004.

Kozhanov K. A., Analytic Future Tense in Russian Romani as a Calque from Eastern Slavic, *Slověne*, 2016, 1, 249–262.

Kozlov A. A., On the semantics of Old Church Slavonic *xotěti* / *iměti* + infinitive constructions, *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2014, 1/27, 122–149.

Křížková H., *Vývoj opisného futura v jazycích slovanských, zvláště v ruštině*, Praha, 1960.

Kupchynsky O., Zabuti ta nevidomi staroukraińs'ki hramoty 14 — pershoi polovini 15 st., *Zapysky Naukovoho tovarystva im. Shevchenka u Lvovi*, 233, 1997, 333–359.

Moser M., What is “próstaja mova”? , *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 2002, 47/3–4, 221–260.

Moldovan A. M., Piat' novonaidennykh ukrain-skikh gramot kontsa 14 — nachala 15 v., *Lingvističeskoe istočnikovedeniia i istoriia russkogo iazyka*, Moscow, 2000.

Penkova Ya. A., Imu, uch'nu, stanu, budu: korpusnoe issledovanie perifrasy budushchego vremeni v srednerusskoi pis'mennosti, *Slavistična revija*, 2019, 4/67, 569–586.

Penkova Ya. A., Infinitivnye konstruksii s glagolom IMĚTI v pozdnesrednerusskoi pis'mennosti, *Sub specie aeternitatis. Sbornik nauchnykh statei k 60-letiiu Vadima Borisovicha Krysa'ko*, Ladyzhenskii I. M., Puzina M. A., eds., Moscow, 2021, 212–227.

Penkova Ya. A., Infinitivnye konstruksii s glagolami *iměti* i *khotěti* v tserkovnoslavianskikh pamiatnikakh Drevnei Rusi 13 v., *Kompleksnyi podkhod v izuchenii Drevnei Rusi. Sbornik materialov 12 Mezhdunarodnoi konferentsii. Prilozhenie k zhurnalu “Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki”*, Moscow, 2023, 147–148.

Penkova Ya. A., Analysis of Distribution of Infinitive Constructions with the Verbs *khotěti* and *iměti* in the History of Russian Writing, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 2024, 97/3, 170–185.

Penkova Ya. A., The Verbs *Imati* (to Have) and *Brati* (to Take): Distribution and Competition in the History of Russian, *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2024, 23/6, 63–79.

Polekhov S. V., Krysko V. B., Prince Władysław Opolczyk's grant document for Danilo Dažbogovič (1375), *Die Welt der Slaven*, 2021, 66/1, 19–45.

Sheveleva M. N., On the Grammatical Semantics of the Periphrastic Constructions Like *imatъ byti* vs. *khočеть byti* in Early East Slavic Texts, *Russian Language and Linguistic Theory*, 2017, 2/34, 194–218.

Sheveleva M. N., On Old Russian verb *iměti*, possessive constructions and complex future with *imamъ / imu* in early East Slavic texts, *Voprosy Jazykoznanija*, 2019, 6, 32–50.

Smirnova A. E., Compound Future Tense in “Prosta Mova” Texts, *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 2021, 43/5, 66–70.

Stang Chr. S., *Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen*, Oslo, 1935.

Stang Chr. S., *Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk*, Oslo, 1939.

Stoynova N. M., Imperfective Future and the Infinitive Construction of the Verb *stat'* ('become') in

Modern Russian: Competing Marker, *Russian Language and Linguistic Theory*, 2019, 37/1, 58–82.

Tikhomirov M. N., *Prostrannye spiski Zakona Sudnogo liudem, Zakon Sudnyi liudem prostranno i svodnoi redaktsii*, Tikhomirov M. N., ed., Moscow, 1961.

Tolstoy N. I., *Istoriia i struktura slavianskikh literaturnykh iazykov*, Moscow, 1988.

Yankouski F., *Histarychnaia hramatyka belaruskai movy*, Minsk, 1983.

Yurkovsky M., *Slozhnoe budushchee vremia v ukrainskom iazyke 14–15 vv., Issledovaniia po glagolu v slavianskikh iazykakh: Istoriia slavianskogo glagola*, Khaburgaev G. A., Bartoshevich A., eds., Moscow, 101–113.

Yuryeva I. S., The infinitive constructions with the verbs *имамъ* and *имой* in Old Russian texts, *Russian Language and Linguistic Theory*, 2011, 2/22, 68–88.

Zhovtobriukh M. A., Volokh O. T., Samiilenko S. P., Slynko I. I., *Istorychna hramatyka ukrains'koï movy*, Kyiv, 1980.

Zoltan A., *Vengerskoe slozhnoe budushchee v slavianskom kontekste, Vos'mye Rimskie Kirillo-Mefodievskie chteniia. Materialy konferentsii. (Rim – Florentsiia, 5–10 fevralia 2018 g.)*, Zapolskaya N., Obizhaeva M., eds., Moscow, 2018, 65–70.

Яна Андреевна Пенькова, кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник

Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

старший научный сотрудник

Института филологии и межкультурной коммуникации

Казанского (Приволжского) федерального университета

420021, Казань, ул. Татарстан, д. 2

Россия / Russia

amoena@inbox.ru

Received June 15, 2024